

Лаборатория

Василий ШИРЯЕВ

ВОЛОНТЕР, ДОБРОВОЛЕЦ, ОХОТНИК...

Роман Богословский написал богословский роман «Ганг-сталкер» — о человеке преследуемом.

В писательской резиденции «Антариус» Саша Рыбин (профессиональный антрополог, найден мертвым в пути 7 января 2024 года) ругательски ругал «Риф» Алексея Поляринова, после чего я не мог его не прочитать.

А в поселковой библиотеке я увидел «Плейлист волонтера» Мршавко Штапича.

Время такое: многие пишут, в сущности, об одном.

Штапич описывает будни поисковиков. Люди ищут человека. Как Диоген с фонарем. Штапич — сценарист и по его книге уже снят сериал.

Из книги Богословского я узнал о ганг-сталкинге. Как сказали бы наши предки, которые не различали охоту на крупного зверя и на человека, — гон и скрадывание. Я сперва засомневался и подумал, что это аллегорическая сатира на современные СМИ, подсеяющие человеку в голову чужие голоса. Но, пораздумав, склонился к «постиронии».

Поляринов описывает рождение секты из отношения «учитель — ученик». «Риф» — остроумное сокращение «Ритуал и миф».

Надо сказать, что мир волонтеров (раньше — добровольцев, еще раньше — охотников) — это мир в хорошем смысле «позитива». Волонтерские организации в духе ранних христиан могут действительно изменить мир, создать новый социальный строй, который придет на смену акулам неолиберализма.

Между Штапичем и Богословским есть очевидная параллель. Поисковики ищут тела, ганг-сталкеры ищут души. ЧВК «Чичиков». У Штапича-рассказчика в книге есть темный двойник, он же постоянный собутыльник («поиски» рифмуются с «виски») — магаданский гопник Хрупкий. Судимый, в бегах, а туда же — ищет потерянцев. Хрупкий и опросы проводит по-гопничьи резко — «сюда иди!».

Хрупкий — трикстер, свободно перемещающийся между текстами Штапича и Богословского. Его легко представить и в роли поисковика, и в роли преследователя.

Базовую идею Штапича может подсветить зороастрийская байка из «Generation П». Группа людей в процессе поиска осознает, что они все вместе суть то, что они искали. Общность или, как сейчас говорят, сообщество. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Найди себя! Потеряй себя! Снова найди себя! (В ритме «упал — отжался».)

«Ганг-сталкера» Богословского тоже может подсветить Пелевин. Я недавно прочел культовый текст 1990-х «Чапаев и Пустота». Он абсолютно ясен. Идеальный потребитель — шизоид системы «Пустота», сквозь которого идут информационно-товарно-денежные потоки. Основная задача — не дай боже, чтоб в нем завелась идентичность. Это будет препоной на пути потоков. А если этих препон будет много — экономика упадет. Постмодерн — булыжник неолиберализма.

Богословский пошагово описывает, как дрессируют такую личность, но в отличие от Петра Пустоты у Германа Слуцкого все-таки остается сокровенное ядро самости.

У Поляринова в «Рифе» тоже есть элементы ганг-сталкинга: хождение по пятам, ожидание в подъездах, приставания в общественных местах. У Алексея легкое перо, но он постеснялся договорить до конца две вещи:

А. Борцы с сектами сами становятся своего рода сектой, так же как алкоголик не излечивается, а становится «анонимным» и питается спасением других алкоголиков. А propos¹, создатель «анонимных алкоголиков» и создатель газовых камер вдохновлялись одним и тем же человеком, Джеком Лондоном, валлийцем, вскормленным черной женщиной, и тем не менее (или благодаря этому?..) расистом.

Б. Из секты возможен выход лишь в иную секту. Из безумия возможен выход лишь в иное, социально одобряемое, безумие.

Один из приемов сталкинга описан в стихотворении Александра Блока 1913 г.

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить. <...>

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят. <...>

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

¹ Кстати (франц.).

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

Отношение «смотрящий — соглядаяемый» неравноценны. Людей долго отучали смотреть в глаза. Они должны видеть друг друга сквозь фильтры запретограмма. Это такой гражданский хиджаб. Человек имеет право смотреть только рекламу и в телефон. А видеть разрешено только всевидящему Гуглу.

Если зрение человека поработано, у него отнято видение, перспектива. Если у человека отнята перспектива, у него отнят хронотоп. Если у него отнят хронотоп, у него отнято время. Он живет в том ритме, в котором прикажут.

Хокинг уверяет, что времени как такового нет. Время мы определяем по окружающим нас процессам. Дольше всех живут садовники и лесничие. Потому что они умеют ждать, пока вырастет лес.

В противном случае — *live fast die young*². Машины снуют, люди спешат, время не ждет. На самом деле машины часами торчат в пробках, а люди убивают свое время. «Люди отказываются от долгосрочной ментальности в пользу краткосрочной. Те, кто может, обитают во времени, кто не может — суется в пространстве» (Зигмунт Бауман, Индивидуализированное общество).

Что нужно, чтобы спеленать клиента? Порча языка через гиперсемантизацию (политкорректность). Все вокруг должно стать настолько исполнено смысла и «полно богов» (Фалес Милетский), чтоб клиент и плюнуть не мог никуда, как в древнегреческом анекдоте: «так красиво кругом, что плюнуть некуда, кроме как тебе в рот».

Гиперсемантизация издавна заставляла людей выражаться максимально двусмысленно, но и юриспруденция не стоит на месте. Мы еще увидим, как моргание глазом и дергание щеки будут квалифицироваться как значимая форма согласия. По мере того как язык будет уходить, лоера³ должны будут опутать правовым полем все формы невербального общения: язык тела, подмигивания и почесывания. А язык будет сводиться через системы речевок.

Как выражались герои драматурга Островского, «человек чувствовать должен». Так формируются «новые городские племена». Болеть за московское «Динамо» — это религия, «есть вещи поважнее футбола». Поисковики и сталкеры, вслед за футбольными фанатами, могут в один прекрасный момент превратиться в ЧВК, а спустя чуть больший срок — в народ. Есть же версия, что цыгане (ромы) — каста артистов, превратившаяся в народ в процессе гастролей.

Чтобы освободить новый пролетариат, следует дать ему новый образ времени. Это можно сделать через музыку, как «Роллинг Стоунз» в 1960-е. Как собирается время?

² Живи быстро, умри молодым (англ.).

³ Lawyer — юрист (англ.).

По рекомендации легендарного Игоря Манцова прочел я «Идеологию и утопию» Карла Манхейма. У него есть остроумная морфология времени. Не зря его люто ненавидели гг. Поппер и Хайек.

Время реакционеров — неподвижное.

Время традиционалистов — цикличное.

Время консерваторов — накопительное.

Время либералов — прирастающее.

Время социал-демократов — развивающееся.

Время революционеров — целеустремленное.

Время фашистов — возобновимое.

Время утопистов — нет времени.

Как каждый из них будет читать толстую книгу?

Реакционер оставит в книге закладку и положит на стол. Традиционалист будет перечитывать по кругу. Консерватор перечитывать и толковать. Либерал — писать статью про «приращение смыслов». Социал-демократ — писать критику. Революционер прочтет вводную статью и будет толковать книгу, как написано в статье. Фашист — выдирать из контекста произвольные цитаты. Утопист расскажет, о чем написано в книге, даже не взглянув на обложку.

Только этого мало.

Народ с перегоревшими дофаминовыми рецепторами придется сажать на якоря и воспитывать как собак Павлова. Как у Кирилла Рябова в «Живодерне», где писатель должен гнать строку с интенсивностью коровы в перманентной лактации.

Жертв ганг-сталкинга стараются выставить параноиками. Но сказано мудрыми: если ты параноик, это еще не значит, что за тобою не следят.

Второй сезон сериала про волонтеров — будет про ганг-сталкинг. Третий — про ЧВК. Четвертый сезон — про народ.

